

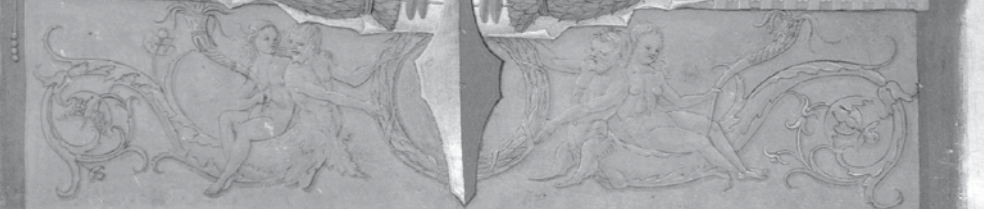
C. PLINI SECVNDI NOVOGOMENSIS NATVR
ALIS HISTORIE LIBER PRIMVS

LIBROS NATVRALIS HISTORIE NO
vum tamens quintum tuorum opus natum
apud me proxima sexta licentore epistola nar
rate confitui tibi incundissime imperator. Sit n
hac tui prefatio uentissima: dum maxio cofener
in parte. Naq; tu solebas putare esse aliqd meas
nugas: ut obicere moliar Catullum conterantio
meum. Agnosas & hoc castreli uerbum. Ille eni
ut fas permutans prioribus syllabis duntaxat
se fecit: q; uolebat existiman a uemaculis tuis &
familulis. Simul ut hac mea petulanti fiat quod
proxime no fieri quebas: esse alia proxi episto

la nostrat in quidam acta exiit. Sciantq; omnes: q; ex quo tecum unatimpum.
Tnymphalis & cenfonus tu f... anica potestatis particeps. Et
quod is nobilibus fecisti: du illi... ordini: prefatas praefectus per
rori eius: omniaq; hae repub... in castris contubernio? Nec
quisq; miratur in te fortunae amplitudo in usutu ut prodesse tantundam posses: &
longius etiam submoues ingenui facibus. Fulgurat in nullo unq; uenit dicta: ut elo
quentia. Tibi... onas? Quia
to fratris am... Quicadmodi
fratrem quod... p... sumare subie
turus ingenii tui iudicium: praefertim laesitum? Neque enim similis est conditio
publicantium & nominat... dicere: quid ista legis imper
ator? Humili uulgo se... in turba: deniq; studior
ociosis. Quid te iudicem facit? Cum hanc operam conuiderem: non eras in hoc albo.
Maiores te scabam: q; ut descenderum huc: putarem. Praeterea est quaedam publica
etiam eruditorum reiectio. Vntur illa & M. Tullius extra omnem ingenii aleam po
situs. Et quod nremur: per aduocatum defecit. Hac doctissimum: omnium Persius
legere nolo. Lailium Decimum uolo. Quod si hoc Luellius qui primus coeditit stil
natum: dicendum sibi putauit. Si Cicero miruandū: praefertim cum de rebus: scriber
ret: quanto nos caufatus ab aliquo iudice diffidimus? Sed haec ego tibi: nunc patro
cinia ademi nuncupatione. Quaplurimu refert: formatu ne aliquis iudicem eligit.
Multumque apparatus interest apud inuitatam hospitem & oblatum. Cum apud
Citonem illum ambitus hostem: & repulsi tanquam honoribus mepris gaudentem:
flagrantibus comitis pecunias deponeret candidatu: hoc se facere: pro inoccia: quod
in rebus humanis summū esset: prohibebat. Inde illa nobilis. M. Cicetonis suspiratio.
O te felicem. M. Porta a quo rem improbam petere nemo audeat. Cum tribunos app
pellaret. L. Scipio Asiae: iter quos erat: Geacchus: hoc arte stabat: uel inimico iudici
se approbare posse. Adeo summum quisq; cause suae iudicem facit: quecumq; eligit.
Vnde prouocatio appellatur. Te quidem in excelsissimo humani generis fastigio po
situm summa eloquentia summa eruditione praeditum religiose adin etiam a salutari
bus feco. Et ideo immensa praetor ceteras subie cura ut quae tibi dicuntur: cum digna

**КНИГА:
ТЕКСТ И ИЛЛЮСТРАЦИЯ
КАК МЕТАФОРЫ
ВРЕМЕНИ**

Духовный путь героя и автора в романе Франческо Колонны «Любовное бореение во сне Полифила» (Венеция, 1499). Часть II

Борис Соколов

Статья является второй частью комплексного исследования о ренессансном романе «Любовное бореение во сне Полифила» (Венеция, 1499), над переводом и подготовкой к изданию которого работает автор (первая часть опубликована в журнале «Искусствознание», № 3-4/2013). Исследование посвящено сюжету и смыслу романа, возникающему на основе последовательно сменяющихся друг друга сцен и состояний героев. Движущей силой повествования становится путь Полифила через символические границы и пространства, которые олицетворяют стадии духовного пути человека – героя, автора и читателя. Подробный анализ сюжета позволяет сделать выводы о драматургии романа и его культурно-философском содержании.

Ключевые слова: искусство Раннего Возрождения, ренессансная архитектура Италии, архитектурные фантазии, ренессансный неоплатонизм, роман воспитания, античное наследие в культуре Ренессанса.

3. Духовный путь Полифила и его этапы

Сопоставляя содержание романа с идеями и образами, важными для ренессансной культуры, можно составить подробный сценарий путешествия Полифила¹. Оно представляется логически завершенной историей, состоящей из нескольких этапов духовного поиска и возвышения. Переводы текстов выполнены автором статьи по первому изданию романа (1499).

1) От любовных скорбей к миру снов: переход из земного мира в область фантазии

Полифил, истомленный скорбными мыслями об утраченной Поли, ранним весенним утром забывается сном на ложе, «временном друге утомленного тела». Во сне он переносится в отправную точку своего путешествия – прекрасную равнину с дальним лесом.

2) *Первый сон: испытания в лесу и на берегу реки*

Подобно герою «Романа о Розе», Полифил беззаботно идет вперед, пока не оказывается в непроходимой чаще. В отличие от дантовского «темного леса», этот описан подробно и предметно: колючки не дают идти, а семена трав цепляются за плащ. «И так пришел я в лес, полный шиповника и ежевики, цепких кустов и колкой дикой сливы, грубые плоды которой оцарапали мне лицо. А острый чертополох и другие колючки разорвали мое платье и остановили меня, отсрочив задуманное бегство». {1}

Духовная жизнь героя основана на поклонении античным богам: Полифил возносит мольбы Юпитеру («Я призываю тебя, верховный Отец и вечный правитель высших, средних и низших сил, спасти меня от этих смертельных опасностей и нынешних страхов и даровать иной и лучший конец неясному моему существованию») и тут же оказывается на открытом месте, возле источника, дающего начало большой реке. Истомленный жаждой, он собирается напиться из горсти, но слышит вдали (на иллюстрации – за рекой) «дорийский напев, увлекший меня подобно пению Фамиры фракийского, и проник он в полости моих ушей, и вошел в беспокойное сердце мое самым сладким и изящным путем». Сладость песни утоляет жажду, Полифил проливает воду из сомкнутых ладоней и устремляется на поиски. (Ил. 1.) Никого не найдя, он начинает жаждать снова, томясь, ложится под большим дубом, сосет влагу с его опавших листьев и засыпает. Земные потребности отступили, вытесненные манящей гармонией, но посвящения пока не происходит. {2}

3) *Второй сон: приятная местность и останки великой архитектуры*

Просыпается Полифил «снова в иной и куда более приятной местности» – второй сон уводит его еще глубже в новый мир. «Не стесняли ее ни страшные горы, ни крутые утесы, не окружали скалистые пики, но лишь приятные холмы небольшой высоты». Здесь вместе растут реальные и «книжные» растения («пышная панацея»), дубовые рощицы соседствуют с пальмовыми. Внезапно перед героем появляется волк с разинутой пастью, но тут же исчезает. Оправившись от испуга, Полифил замечает на горизонте горную цепь, в центре которой высится обелиск. Подойдя, он обнаруживает, что в горы врезан исполинский храм с завершением в виде башни о тысяча четыреста десяти ступенях.

4) *Символические сооружения: Храм Солнца, статуи коня, слона и поверженного бога*

Герой испытывает интеллектуальный восторг – «охватила меня непостижимая радость от того, что мог беспрепятственно я любоваться таким великолепием искусства архитектурного, огромным сооруже-

Илл. 1. Полифил у реки. Ф. Колонна. Любовное бореие во сне Полифила. Венеция, 1499. С. а5. Вольфенбюттель, Библиотека герцога Августа (далее: Любовное бореие)

нием и ошеломляющим величием, которое я безмолвно ощущал» – и начинает подробно описывать храм. Он сложен из белого паросского мрамора, швы между квадрами окрашены красным, полуразрушенные колоннады и антаблементы цветные – зеленый серпентин, красный порфир. Путь наверх лежит по лестнице сквозь рот змееволосой маски Горгоны, на вершине пирамиды Полифил находит вращающуюся статую Фортуны с бритым лбом и пышными косами, обнаруживает на красном обелиске «иероглифы египетские» и читает табличку с посвящением храма «верховному Солнцу». Вход в храм служит воротами сквозь горы: «долина была защищена преградой, так что никто не мог из нее выйти, войти в нее или вернуться иначе, как через этот широкий портал». Перед героем лежит преграда и возможность дальнейшего погружения в новый мир, но он не спешит проникать в темный вход, рассматривая храм и остатки древних изваяний.

На фасаде храма изображена Гигантомахия, рельефом из белого мрамора на фоне черного камня. Подчеркнув ярость битвы богов (упомянут Марс) с гигантами, {3} Полифил отправляется осматривать статуи коня, слона и поверженного бога. Бронзовый конь словно бы несется в глубину портала, на него пытаются вскарабкаться путти, тема мрачной судьбы подчеркивается посвящением «Конь, приносящий несчастье» и боковыми аллегорическими рельефами с надписями «Время» и «Утрата». В громадном теле упавшей статуи изображены внутренности человека с надписями «на трех наречиях, халдейском, греческом и латинском... о том, как каждая из них зовется, и, словно в

настоящем теле, видел кишки, нервы, кости, жилы, мускулы и мякоть. И какая болезнь каждой из них приключается, и по какой причине, и лечение ее, и лекарство». Добравшись до сердца, вновь вспомнив Полию и поняв, что мнимый стон бога происходит от ветра, герой поскорее переходит к слону «из почерневшего камня» с обелиском на спине. Гонимый любопытством, Полифил взбирается по лестнице и обнаруживает внутри святилище с мужским и женским изваяниями и надпись-совет: «вынеси голову, тела не трогай». Испытав приступ благоговейного страха, герой возвращается к коню и храму. Далее следует длинное геометрическое описание пропорций храма и рассуждение о главенствующей роли архитектора и его профессии. {4} Соразмерность постройки автор уподобляет музыкальной гармонии и сожалеет, что вынужден описывать храм на обыденном итальянском языке, «ибо убоги мы стали и утратили то богатство, которое только и может верно описать все подробности сего произведения». Эта часть романа наиболее близка по настроению к трактатам Альберти.

5) У входа в Храм Солнца: бегство от дракона и переход в край царицы Элевтерилады

По краям портала герой видит две сцены с Венерой и Амуром, имена которых он не желает назвать, – ковка крыльев Вулканом и передача Амура на воспитание Гермесу. Изысканные рельефы устроены изысканным способом – они из прозрачного алебастра, который на фоне из кораллового камня кажется живой плотью. Рассматривая каннелюры колонн, нижняя треть которых заполнена валиками, герой делает удивительное для знатока античности предположение: храм посвящен «ритуалам обоего пола», ибо желобки знаменуют складки женской одежды. Здесь любовь к истории уступает место желанию создать еще один образ «говорящей архитектуры». Завершает композицию портала горельеф с орлом и Ганимедом, вырезанный из трехцветного камня – черный фон, белый мальчик и красный орел. Несмотря на табличку с посвящением Солнцу, которую Полифил отыскал на вершине, плита над входом гласит: «Богине Венере и сыну Амуру, Вакху и Церере от собственных их щедрот, Матери благословенной», а изображенные вокруг трофеи герой считает знаками триумфов Юпитера. Храм оказывается неким пантеоном, в котором поклоняются богам от Юпитера и Венеры до Фортуны. Все же образ верховного бога, которому недавно молился Полифил, преобладает: на фронте изображено детство Юпитера и дана надпись: «Бог Эгидоносец». Герой полностью поглощен осмотром храма, так что при мыслях о Полии он лишь издал громкий вздох «и продолжал между тем дивиться любезным мне древностям». {5}

Решившись, наконец, войти в тень портала, герой видит на своем пути еще одно животное-вестника – пробежавшую белую мышшь. Раз-

Ил. 2. Полифил, преследуемый драконом. Любовное борецне. С. 44

глядывая обширный вестибюль с украшением из многоцветного камня, он вдруг слышит позади себя страшный скрежет и шипение. На него ползет «омерзительный страшный дракон, с тройным языком, трепещущим между его челюстей, полных, словно гребень, острыми и скрежещущими зубами, с телом, покрытым чешуйчатой шкурой, скользящим по мощеному полу при его движении, крылья били по его шершавой спине, а длинный подвижный хвост, сужающийся подобно змеиному, беспокойно свивался большими кольцами». (Ил. 2.) Здесь Колонна уже не в первый раз употребляет слово «узлы, сплетения» (*innodatura*), которые становятся одним из лейтмотивов извилистого пути героя. Увидев темный дым, исходящий из пасти чудовища, герой полагает, что он ядовит, и решает бежать.

Внутри храма он обнаруживает множество темных ходов, которые уподобляет лабиринту: «Там я оказался словно в безысходном создании мудрого Дедала или Порсены, полном таких запутанных поворотов и разворотов со множеством дверей, не ведущих к выходу, но возвращающих к совершению прежних ошибок, словно бы в разделенном на части гроте страшного Циклопа или в мерзкой пещере яростного Кака». Герой видит святилище, освещенное лампадой, и алтарь с тремя золотыми статуями (позже он называет часовню Афродисием, храмом Венеры). От символического блуждания во тьме и отчаянии его избавляет молитва всем богам: он видит свет и выбегает наружу. Полифил вспоминает о появлении мыши, которое считается хорошим признаком, и решает проникнуть в открывшуюся перед ним «страну неведомую». {6}

Ил. 3. Встреча Полифила с нимфами – олицетворениями пяти чувств. Любовное борение. С. 63

б) Преддверие царства Свободы: мост через реку, павильон-купальня, встреча с нимфами – олицетворениями пяти чувств

Образ трудного прохода в благие места здесь дополнен выразительной антитезой – в краю руин портал сохранился целым, а в «прекраснейшем месте и крае» от такого же портала осталась только заросшая пещера. «Место это годилось лишь для выхода, и вернуться туда было бы чрезвычайно трудно». Полифил видит открытую местность с рощами и ложбину с рекой и мостом. На этом трехпролетном мосту он вновь читает иероглифы, которые гласят: «Терпенье есть украшенье, защита и сохранение жизни» и «Поспешай медленно». Река здесь раздваивается, а впереди открывается лесистый край с горами. Среди деревьев Полифил обнаруживает восьмигранный павильон с рельефом, изображающим спящую нимфу и сладострастного сатира, тканью укрывающего ее от солнца. Из ее груди течет холодная и горячая вода, смешиваясь в чаше. Греческая надпись «Матери всего» придает этой сцене философское настроение: ярящийся сатир готовится соединиться с нимфой, из ее сосцов изливаются фонтаны воды – молока природы, течет теплый поток, расходясь по долине. Здесь Полифил наконец утоляет свою жажду, приобщаясь тем самым к новому миру. Обнаружив вокруг купальни сад, орошаемый ручьем, он стоит в нерешительности и внезапно слышит оглушительный гром и трубный глас, напомнивший ему о драконе. Но это оказался шум стручков рожкового дерева, а трубила статуя-флюгер

на вершине здания. Оправившись от ложного страха, Полифил замечает вдалеке пять веселящихся нимф, прячется под ветвями, а когда они его обнаруживают, стоит в смущении. (Ил. 3.) Одна из дев спрашивает: «Эй, кто же ты?», и после знакомства они рассказывают ему о своем блаженном крае, который окружен кольцом непроходимых гор и в котором правит царица Элевтерилида. Нимфы приглашают Полифила вместе пойти в купальню, а затем и во дворец. {7}

7) *Посвящение в новую жизнь: омовение, плотские соблазны познания, прямой путь к дворцу*

В купальне, архитектура которой подобна строению центрического храма, нимфы сообщают свои имена, соответствующие греческим названиям пяти человеческих чувств. Несмотря на смущение, Полифил раздевается и входит в воду вместе с ними, причем во время этого своеобразного крещения (над входом он видит греческую надпись «Купель») воспламеняется влечением к их красоте. Плотскому отягчению на духовном пути соответствует зрелище фонтана, который расположен на стене напротив внешнего фонтана с нимфой. Там изображен мочащийся мальчик, а когда одна из нимф, как бы невзначай, просит Полифила набрать воды, струя при помощи скрытого в ступени механизма ударяет герою в лицо. (Ил. 4.) Тогда становится понятной надпись над ним – «Смехородный», но приапическая тема продолжается, потому что после растирания благовонной мазью герой едва может сдерживать свои порывы. Затем все обращается в шутивную погоню за нимфами, а после выхода к реке и приема успокаивающей травы герои вновь становятся серьезными. Попутно Полифила угощают «изысканными конфетами» и напитком нимф – первое вкусное с начала его путешествия.

Отсюда они выходят на дорожку, окруженную коническими кипарисами, причем Полифил считает, что их ровная форма достигнута стрижкой. Здесь начинается тема топиария – скульптурной и архитектурной зелени, а также тема искусственно воссозданных природных форм (то, что в эпоху маньеризма

Ил. 4. Фонтан в купальне нимф. Любовное борение. С. 67

станут называть «третьей природой»²). Аллея ведет к центру зеленой огражденной территории, внутри которой находится открытый дворец Элевтерииды. В середине двора Полифил видит фонтан, который, как и последующие, представляет собой многоцветное сочетание каменных форм: его основание из яшмы с халцедоном, подставка из уже встречавшегося сочетания зеленого серпентина с красным порфиром, а верхняя чаша из лилового аметиста. Символическое значение фонтана усиливается его скульптурами: страшные Гарпии внизу, изящные Грации наверху и круг драконов в средней части. Можно предполагать, что многие фонтаны (и другие вертикальные сооружения) в романе представляют собой «композиции восхождения», читаемые от нижних частей к верхним. Двор вымощен разноцветной каменной мозаикой с листовным узором. В его дальней части портал, закрытый завесой (завеса встретится герою и при входе в фонтан Венеры, но ее нужно будет прорезать, дабы проникнуть в высшую тайну). Привратница Кинозия (от греческого слова «порыв, движение») впускает их внутрь, у второго занавеса их встречает Индаломена («фантазия») и у третьего – Мнемозина («память»). Полифил оказывается в тронном зале царицы. {8}

8) Во дворце Элевтерииды: прием в перистиле, космическая программа декора, символическая трапеза и вкушение плода Венеры

Зал представляет собой обширный квадратный двор с колоннадами и навесами по периметру. Его пол, подобно шахматной доске, выложен шестьюдесятью четырьмя квадратами красной яшмы и зеленого камня «с пятнами кровавого цвета», словно бы красный цвет крови и страсти стремится захватить спокойное пространство цвета луговой травы. Испещренный пятнами камень присутствует в описаниях многих других сооружений. На стенах изображены символы и действия семи планет, причем трон царицы стоит под знаком Солнца. Полифил кратко описывает процесс духовного восхождения через сферы этих планет, тем самым связывая астрологическую тему с основной темой романа: «семь гармоний тех планет, и путешествие души, приобретающей качества восходящих сфер, с небывальми изображениями небесных действий».

Над колоннадой и фризом расположены пышные ветви винограда из золота, украшенные цветами и плодами из драгоценных камней. Во дворце и садах Элевтерииды образы «третьей природы», искусственных форм сгущаются до предела, в последующем путешествии их гораздо меньше. Царица, сидящая на троне в окружении придворных нимф, облечена в платье, расшитое самоцветами, и тиару, подобную королевской или папской³. Подробно описывая черные волосы Элевтерииды и убор из жемчуга, автор совсем не пишет о ее лице – видимо, для него это надличностный образ великой Природы. (Ил. 5.) Царица милостиво расспрашивает Полифила о его пути, говоря, что счастливец, прошедших этой дорогой и избежавших дракона, очень мало.

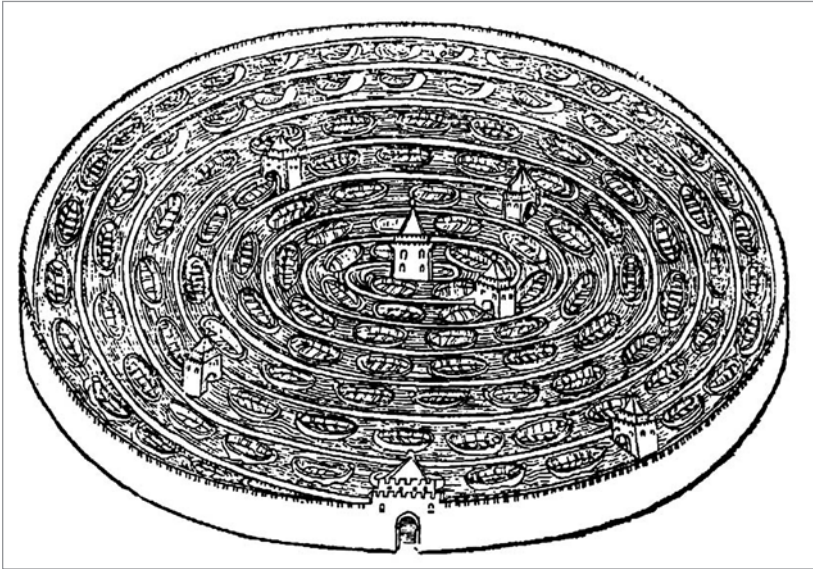

Ил. 5. Полифил во дворце царицы Элевтерииды. Любовное борение. С. 17

Затем начинается пир, похожий на ритуальную трапезу и даже на церковное причастие. Перед каждым из гостей ставят треножник для стола, а каменные столешницы, скатерти и платья прислужниц меняют с каждой переменной блюд. Еду и питье предлагает одна из них, тарелку подставляет другая, третья же утирает вкушающему губы. Искусственную природу на пиру представляют механические фонтаны для умывания и для освежения воздуха, передвижной буфет и жаровня, в которую после трапезы бросают для очищения все ткани. Кушанья герой романа описывает с чрезвычайной, достойной кулинара, подробностью, но все они имеют символический смысл – конфеты с порошком из рога единорога, пять шариков на разных ароматических маслах, вероятно, связанных с идеей духовного восхождения (от апельсина до мускуса и амбры), шесть кусков каплуна, семь кусков куропатки, восемь кусочков мяса фазана, девять – павлина. Чашу с вином вносит прислужница, которую вместе с сосудом покрывает кисея.

После семи перемен, соответствующих числу планет, вносят куст из коралла, на котором сверкают пятилепестковые цветы из сапфира и берилла, подобные розам. «В пяти из этих цветков были укреплены пять яблочек, подобных рябиновым ягодам, также и по цвету, на жале

пчелином из золота». Это кульминация пира. Отведав искусственные плоды, Полифил делает чрезвычайно интересное замечание: «Но неопишная сладость их вкуса, мною испытанная, казалась ни чем иным, как красивой материей, разделенной с идеальной формой». Читатель вскоре увидит подобие этого куста и его плодов – во время причащения в Храме Венеры, расположенном в более глубокой части волшебного мира. По-видимому, в необычном вкусовом образе скрыта печаль по разладу души и тела, мечты и жизни – тема, которая будет все явственнее проявляться к финалу романа. {9}

Ил. 6. Водный лабиринт в садах Элевтерииды. Гипнэротомехия, или Рассуждение о сне Полифила... Париж, 1546. Париж, Национальная библиотека. С. 74

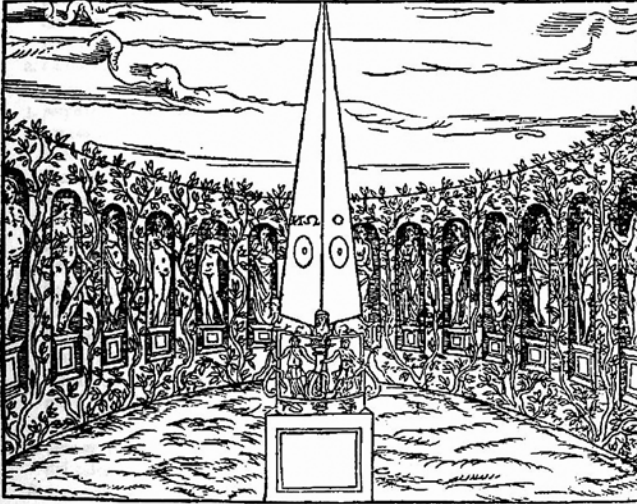
9) Сады Элевтерииды: водный лабиринт – аллегория земной жизни и обелиск Триадинства – аллегория веры и истории

Омовение в купальне и причащение на пиру завершают вхождение Полифила в новый мир. Однако область царицы Свободы – только начало пути к неясной пока цели. Теперь наступает время ее выбора. Тему судьбы и фортуны открывает придворное представление: двор с квадратными плитами становится шахматной доской, на которой нимфы в золотых и серебряных одеждах разыгрывают три партии. Затем Элевтерилада отправляет героя дальше, к трем вратам, ведущим в царство Телемии («воля», «стремление»; от этого образа, видимо, происходит название Телемского аббатства в романе Рабле). Элевтерилада говорит, что в отличие от нее, Телемия живет во тьме и меняет при

встрече свой облик. Сопровождать Полифила будут нимфы Телозия («цель» или даже «конечная цель») и Логистика, причем любой выбор, совершенный по их совету, будет для героя правильным.

Но вначале он должен увидеть в царстве Элевтерииды «еще четыре вещи». Выходя из дворца, Полифил читает надпись «Изобилие природы», которая связывает его прежние впечатления с предстоящими. Телозия и Логистика показывают ему четыре сада, расположенные попарно по сторонам дворца. Слева он видит сад из стекла, окруженный стеклянными же колоннами и пахнущий благовониями вместо аромата живых цветов. Затем Логистика предлагает подняться на бельведер – высокую башню со спиральным пандусом. Оттуда Полифил видит второй сад, причем рассказ о нем чрезвычайно эмоционален. Это круг воды, опоясанный стеной, который герой называет лабиринтом. (Ил. 6.) Внутри спиральный канал, состоящий из семи витков, на каждый из которых поставлена башня. Входящих в первую башню, с надписью «Слава земная словно пузырь», встречает матрона, затем они садятся в лодки, чтобы плыть к центру лабиринта. Где-то здесь рыскает дракон, жаждущий схватить отъезжающих. У каждой башни можно остановиться и выбрать себе спутницу или сменить прежнюю. Во второй башне обитают девы, проверяющие жребий путника и избирающие пару в соответствии с ним. Плыть становится труднее из-за встречного течения. В четвертой башне пловцов встречают девы крепкие и воинственные, а дальнейший путь еще более труден. На пятом круге течение стихает и плавание становится приятным. В шестой башне путники находят «достойных матрон, видом безбрачных и скромных, преданных священному культу», и с любовью меняют на них своих прежних компаньонов. В седьмом, уже коротком, круге разливается туман, течение стремительно несет путников вперед, но вспять повернуть невозможно, ибо там другие лодки. Над седьмой башней видна страшная надпись «Бесчувствен волк богов»⁴, и, видя свою судьбу, странники сожалеют, что вошли в этот сад. Логистика со зловещей улыбкой говорит: «Полифил, в сей зияющей бездне сидит с весами своими жестокая испытательница и входящим божия осудительница, и точною мерою тщательно взвешивает деяния». На этом нимфа свою речь обрывает. Здесь перед читателем развернута традиционная аллегория «семи возрастов человеческих», но в форме сложного и образного ландшафтного объекта, своеобразного водоворота судьбы. Показательно сближение образов волка и дракона – они олицетворяют земные страсти и страхи. Даже если источником вдохновения для Колонны послужил один из лабиринтов «Трактата» Филарете, содержание аллегории глубоко прочувствовано автором и проливает свет на скрытый сюжет романа, который будет еще больше прояснен сценой у трех врат.

Смягчая ужас героя, Телозия ведет его в сады, находящиеся по правую руку от дворца. Здесь он видит шелковый сад, по формам по-

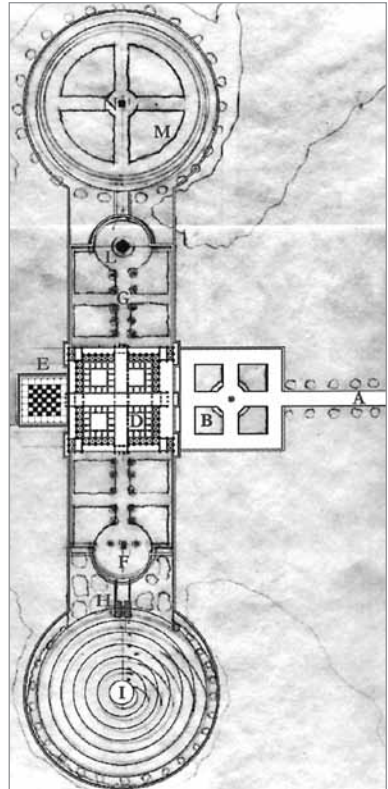
*Илл. 7. Обелиск в садах Элевтерииды. Гипнэротомехия, или Рас-
суждение о сне Полифила... С. 76*

добный стеклянному. После перерыва на музыку и пение Логистика говорит Полифилу, что постижение вещей дает больше радости, нежели их простое переживание, и предлагает убедиться в этом, войдя в четвертый сад, расположенный симметрично водному лабиринту. (Илл. 7.) В его центре стоит цилиндр из красной яшмы на прозрачном халцедоновом кубе, несущем надпись «Труднопостижимое», на нем черный треугольный камень с надписями и фигурами, а выше золотой обелиск, который поддерживают сфинксы. Логистика вдохновенно говорит: «Заключена в этих формах небесная гармония». По ее словам, смысл частей монумента и его изображений таков: «Божественной и бесконечной троице, в себе единой». На трех гранях памятника, поясняет нимфа, расположены соответствующие друг другу иероглиф и надпись: солнце (Бог) – «Неизъяснимая», руль (мудрость) – «Неразделимая» и пылающая ваза (любовь) – «Непостижимая». У сфинксов разные лики – звериный, получеловеческий и чисто человеческий: это означает, что высшее начало преобладает над низшим. Три грани обелиска, которые смертные не могут увидеть одновременно, означают прошедшее, настоящее и будущее, объединяют же их буквы слова $\text{O}\Omega\text{N}$ – «Бытие»⁵.

Словно спохватившись, что рассказала слишком много, нимфа уверяет, что ее разъяснение даже слишком краткое, и прибавляет толкование о природе камней: халцедон, лежащий в основании, прозрачен и ясен для непосвященных, но труден для знающих, а верхний камень темен и труден для постижения простым умом, однако прозрачен и

ясен для посвященных. Как отнестись к этому тщательно выстроенному словесному и изобразительному объекту? В предисловии, которое, вероятно, не принадлежит Колонне, памятник отнесен к прославлению Юпитера. Некоторые комментаторы прямо связывают его с христианской Троицей. Думается, задача автора была сложнее. Здесь особенно хорошо видна тонкая грань между пантеоном римских богов и всеобщей идеей божества, по которой должны пройти и наивный Полифил, и вдумчивый читатель. Сады Элевтерилены, в плане которых заложено противопоставление ужаса и надежды, буквально пересыщены смыслом и моральными переживаниями. (Ил. 8.) Водный лабиринт, который «изображает наглядно всю жизнь человека», дает безысходный образ роковой судьбы: странники в буквальном смысле слова плывут по течению, приближаясь к вечному мраку. Эта картина близка к образу языческого Аида, который неизбежно ждет и добрых, и дурных людей. Обелиск есть памятник духовного бытия и трудного познания сути вещей. Его композиция создает образ веры, духовного восхождения и вытеснения звериного начала человеческим. «Троичность», о которой гласит надпись, трудно связать с Юпитером или, скажем, с «трижды величайшим» Гермесом – смысл ее в триединстве мировых начал: Бога, мудрости и любви. Такое сочетание читатель мог найти только в христианском размышлении о мире, хотя идея памятника более универсальна. Это замечательное место романа заставляет вспомнить сложные и богатые взаимоотношения христианства и неоплатонизма, присущие итальянскому гуманизму и особенно школе Гемиста Плифона, к которой себя причисляли Козимо Медичи, Марсилио Фичино, кардинал Виссарион и Сиджизмондо Малатеста.

Ил. 8. Реконструкция плана садов при дворце Элевтерилены. В верхней части сад с обелиском и шелковый сад, в нижней части стеклянный сад и водный лабиринт. Ил. из кн.: Cruz E.A. Hypnerotomachia Poliphili. Re-Discovering Antiquity Through the Dreams of Poliphilus. Victoria, 2006. P. 119

10) От Свободы к Цели: трое врат в царство Телемии, выбор между аскезой, славой и любовью

Покинув, наконец, сады Элевтерилены, Полифил и нимфы приходят в рощу, за ней вновь пересекают реку (возможно, второй рукав потока, который герой видел при входе в царство) по еще одному трехарочному мосту. Иероглифы на его парапете Логистика толкует так: «Блаженны держащиеся середины» и «Умеряй поспешность сидением, а медлительность вставанием». За мостом пейзаж меняется. Перед Полифилом гряда острых гор, у основания которых он видит три портала с надписями: «Слава Божия», «Матерь любви» и «Слава земная». (Ил. 9.) Нимфы стучат в первую дверь. Она сразу открывается, и за ней обнаруживается соломенная хижина с надписью «Врата небес», из которой выходит благородная матрона изможденного вида, в рубище, вместе с шестью прислужницами. Их греческие имена говорят сами за себя: старицу зовут Теуда («набожная»), служанок – «девственница», «бдящая», «несмелая», «благоразумная» и «смирренная». За хижиной возвышаются горы, закрытые тучами и дождем, наверх ведет узкая заросшая тропа. Видя оторопь героя, Логистика с досадой говорит, что смысл этого пути узнает только тот, кто пройдет его до конца. Телемия прибавляет: «О Полифил, не для тебя пока любовь этой трудолюбивой женщины». Тот молча кивает, и они уходят ко второй двери.

Этот эпизод просто и откровенно выражает чувства, на которые намекали аллегии в садах Элевтерилены. Сон и роман кончатся, и придет время, когда отшельническая судьба, благоразумие и смирение навсегда пребудут и с героем, и с его автором. Встреча с аллегорией монашества – одно из явных указаний на «венецианского» Франческо Колонну как на автора романа.

Тем временем нимфы стучат в дверь мирской славы, она является в блеске силы и ярости, подносит Полифилу корону на острие меча и уговаривает пойти ее дорогой. Тот уже готов согласиться, но Телемия говорит: «Мне кажется разумным, о мой милый Полифил, прежде чем ты здесь останешься, хотя бы взглянуть за третьи врата». Там стоит Филтрония («соблазн») со своими прекрасными спутницами. Полифил очарован, а Логистика с досадой живописует коварство, фальшь и скрытое уродство этих красивых женщин, после этого разбивает свою лиру о землю и убегает. Полифил видит ободрение в жестах Телемии и выбирает любовь. Попрошавшись со своей советчицей, он уходит в средние врата, буквально воплощая совет «держаться середины». Вскоре исчезают и новые спутницы, и герой остается в царстве Телозии один. {10}

Комментаторы уже отмечали связь этой сцены с античными сюжетами «Геракл на распутье» и «Сон Сципиона» в комментариях Макробия, а также с вратами выбора из куртуазной поэмы Боккаччо «Любовное видение». Здесь выбор между славой и доблестью дополнен

Ил. 9. Полифил у трех врат. Любовное бореие. С. h8

третьей возможностью – любовью, которая уведит героя не к вечному блаженству, а дальше по пути познания.

11) Берег в царстве Венеры: встреча с Полией, триумфы Юпитера, тема роковой любви

Уже на пиру Полифила беспокоило, что приставленная к нему нимфа была похожа на утраченную Полию. Теперь, пройдя сквозь зеленую перголу, усеянную цветами (еще одни врата на пути к цели), он видит толпу веселящейся молодежи. Вдруг одна из нимф, с горящим факелом в руке, отделяется от спутников и медленно приближается к герою. Он поражен ее красотой, величием и сходством с Полией. {11} Нимфа берет Полифила за руки и предлагает пойти дальше вместе. (Ил. 10.) Он воспламенен любовью, но вспоминает о своих грязных одеждах с приставшими семенами из леса – символ прошлых страхов и бранных желаний. {12} Заметив это, нимфа с улыбкой говорит, что любовь не испытывает нужды во внешних вещах, и ведет его дальше. По правую руку открывается равнина с рядами стройных садовых деревьев и множеством дев. Своими танцами они дополняют происходящие здесь божественные триумфы. {13}

Ил. 10. Полифил встречает Полию. Любовное борение. С. 17

Полифил подробно описывает четыре триумфа – шествие с украшенными колесницами, каждая из которых запряжена шестеркой разных существ. Первую везут кентавры, на ней едет Европа с быком, а рельефы посвящены ее истории и власти любви. Вторую влекут слоны, на ней сидит Леда с лебедем. Третья повозка запряжена единорогами, «посвященными хладной Диане», на ней сидит Даная, принимающая золотой дождь. Четвертая колесница, с шестеркой львов, везет роскошную вазу, «полную тонкого и благородного пепла». По истории на ее рельефах видно, что речь идет о Семеле, испепеленной сиянием Юпитера. {14} Таким образом, все четыре триумфа, как и сказано в заглавии, посвящены Юпитеру, но при этом в них присутствуют разные виды любви, в том числе и приносящей смерть. Уже при входе в край Венеры к любовному томлению героя добавляется тема любви трагической, роковой и неутомимой.

Полифил видит в триумфальной толпе живых богов – Диану, Цереру, поющих Муз. Нимфа говорит ему, что смертная женщина не может войти сюда без факела, который зажжен любовью. Ее же светоч, загоревшийся от любви Полифила, должен быть погашен в Храме Венеры. Край нимф и богов напоминает картины с изображением Элизиума, от Боттичелли до Пуссена. {15} Они идут мимо бесчисленных пар

влюбленных, Полифил корчится от страсти и призывает к себе благо-разумие. {16}

Герои приходят к месту, где справляется триумф Вертумна и Помоны, богов природы и изобилия. Рядом Полифил видит прямоугольный алтарь с изображением времен года, над которым высится «хранитель садов с приличествующими ему и должными принадлежностями». Алтарь Приапа обрызгивают кровью осла, молоком и вином, осыпают растениями. И в этой сцене внешняя реальность – бесстыдная статуя Приапа, «свадебные и непристойные песни» в его честь – возникает как проекция внутреннего состояния героя. На гравюре показано заклание осла, не описанное в тексте, а Приап здесь держит косу – мрачный атрибут, который, возможно, связывает бога сладострастия и садов с грозными свойствами мстящих божеств.

Продолжая разглядывать обитателей этого царства, Полифил видит среди них и героев сюжета, воплощенного в картине Боттичелли «Весна» в те же годы, когда писался роман: «там был Зефир с его возлюбленной Хлорис, коей он даровал власть над прекрасными цветами» (С. m7). Среди изобилия танцующих гениев видны хороводы гамадриад и наяд в соответствующих одеждах. Весь этот край представляет собой пространство шумного праздника, подобного ожившей картине или театральной сцене.

12) В Храме Венеры: языческий брак Полифила и Полии, второе причащение героя

За деревьями виден высокий купол храма Венеры, куда герои идут в сопровождении жрицы. Она велит Полифилу взять факел Полии и сказать: «Как вода гасит факел, так пусть огонь любви смягчит ее холодное и каменное сердце». После того как факел погашен, с нимфы словно бы сходит заклятие. Она признается, что является той самой Полией, которую огонь его любви исхитил из «места девства». Автобиографическая линия романа, печаль по реальной возлюбленной, ушедшей в монастырь, с этого момента становится явной и подробно разворачивается во второй книге. {17}

Таинства продолжают в малой капелле, Полифил остается на ее пороге и смотрит со стороны. В жертву приносят пару лебедей и пару голубей, сжигают их на алтаре, смешивают пепел с кровью этих существ, посвященных Венере. Полифил видит выходящего из огня крылатого мальчика в короне, с миртовой ветвью и горящей стрелой. Отныне Амур присутствует в романе и действует как посредник Венеры – вскоре он явится во плоти и повезет своих пленников на остров Киферу. Красочные ритуалы продолжают: жрица пишет на алтаре знаки жертвенной кровью, Полиа ей вторит, потом смывает кровь и гасит ею огонь. С шумом, подобным падению некоего тела в море (возможно, аллюзия на миф о рождении Венеры), на алтаре вырастает пышный

Ил. 11. Бракосочетание Полифила и Полии в Храме Венеры. Любовное борение. С. р1

розовый куст с цветами и плодами. Подобный куст, но из золота и с искусственными плодами, герой видел на пиру. Теперь же он вкушает живые плоды с зеленого куста, ощущая радость и обновление. (Ил. 11.) Полифил посвящен в таинства Венеры, и вместе с Полией выходит из храма.

13) Храм-кладбище Полиандрий: тема трагической любви, оживающие истории древних надгробий

Нимфа говорит, что они пойдут к шумному берегу моря, чтобы свершить то, ради чего она покинула обеты Дианы – после искупления и очищения встретиться с божеством любви. Пока же она ведет его в другой храм, разрушенный временем, но огромный и величественный. Полиа называет его Полиандрий (от греческого слова «кладбище», буквально – «многомужный»), и вспоминает то время, когда толпы собирались здесь каждый год, чтобы свершить скорбный праздник в память похищения Прозерпины Плутоном. Принося в жертву черных овец и красные розы, они произносили заклинание, поясняющее назначение храма: «Так да погибнет и тот, кто сознательно стал причиной смерти любимых!» Сидя у ног Полии, герой вновь воспламеняется страстью, но она упрасивает его ждать должного времени и не чинить насилия, которое сравнивает с нечестивым похищением Деяниры. {18} Храм, разрушившийся по неведомым читателю причинам, становится символом бренности, невоздержных и нечистых страстей, а похищение Про-

зернины и горестная жизнь под землей открывает тему «говорящих» древних надгробий.

Полифил увлеченно рассматривает архитектуру и символические изображения Полиандрия. В этой главе романа Колонна создает целый спектр словесно-изобразительных объектов, от уже знакомых читателю ребусов до метафорических моральных эмблем. Здесь вновь проявляется свойственное ренессансным любителям древностей стремление «прочитать нечитаемое», силой интеллекта оживить язык забытых знаков. На фронтоне храма Полифил видит надпись: «Кладбище жалостных тел пораженных безумьем любви», а над ней, во фронтоне, лампу и сову. Он толкует сочетание этих фигур как лаконичную фразу: «Жизни летеиский вестник». В центре развалин обнаруживается каменный колодец под навесом, а в его куполе – мозаика с изображением необычного любовного Аида. Над пропастью проходит двойной мост, раскаленный в центре и ледяной по краям; души холодного ада, проявившие равнодушие к любящим, стремятся в жаркую область, а ее обитатели, погибшие от чрезмерной любви, бегут к холоду. Но мосты устроены подобно лабиринтам, и души вновь попадают в прежние места, совершая безостановочный бег.

Герой начинает рассматривать и читать надписи надгробий. Здесь повествование переходит с текста на иллюстрации: в этой главе показаны восемнадцать памятников, на одном из них греческая надпись слишком разрушена и не читается, зато остальные создают целый мир ушедших страстей. Некоторые из них лиричны и лаконичны («Линде Тазий, юноша деве; я здесь, ибо жить не желал без тебя. Смерть предпочел. Коль знаешь о том, я доволен. Прощай»), другие подробно и напоминают конспекты античных авантюрных романов. В истории о Лопии и Хризанфе вновь встречается змей, здесь он задушил юношу и был убит девой. В храме помещено и надгробие царицы Артемисии – некое подобие реального Мавсолея, находящегося в Малой Азии. Среди печальных слов и знаков присутствует тема религиозной надежды: на надгробии

Ил. 12. «Природы Мачехи закон неизбежный». «Природы Матери указ милосердный». Фрагмент изображения надгробной плиты в храме Полиандрий. Любовное борение. С. r4

римлянки, совершившей самоубийство из ревности, изображен дом-саркофаг с двумя дверями. В левые входит толпа нагих душ, из правой они вновь выходят. Надписи у дверей гласят: «Природы Мачехи закон неизбежный» и «Природы Матери указ милосердный». (Ил. 12.)

14) «Любовь все побеждает»: прибытие Амура на корабле и последний переход – отплытие на остров Венеры

Увидев полуразрушенную мозаику с Прозерпиной, которая собирает цветы на склоне извергающейся Этны, Полифил вспоминает о Полии и приходит в ужас от подозрения, что мог ее потерять. Герой бежит обратно, нимфа его обнимает, успокаивает и говорит, что вскоре за ними придет Амур со своей свитой. Явившись на берегу, бог любви объявляет, что Полифил и Полиа достойны войти в царство Венеры и прибыть на ее остров. Они отплывают на позолоченной галере-гексиреме, на веслах которой сидят нимфы, и по пути все обитатели моря отдают Амуру почести. {19} На этом последнем переходе от внешнего мира к миру божественному Полифил слушает пение нимф и рассматривает корабельный штандарт с надписью: «Любовь все побеждает». {20}

15) Остров-сад Кифера: идеальный мир Раннего Возрождения, его каменная и зеленая архитектура

По прибытии на Киферу – мифологизированный остров Кипр, место рождения Венеры – герой попадает в область идеальных геометрических форм, пейзажей, архитектуры, садов и климата. Круглый остров диаметром в три мили сложен из сияющего прозрачного минерала, он разделен на сектора и сегменты, внутреннюю треть круга омывает река в берегах из зеленого мрамора, а центр занят амфитеатром со святилищем Венеры. (Ил. 13.) Элементы красоты и гармонии, виденные в прежних местах, соединяются в цельный и законченный ансамбль. Здесь устроены рощи из лучших деревьев благородных видов, вместе, как в христианском раю, гуляют кроткие и хищные звери, люди обоего пола радостно возделывают сады и огороды, а нагие нимфы играют среди рыб канала. Колонна с предельной точностью описывает размеры и формы построек, это кульминация его архитектурной и садовой фантазии. Герой замечает, что столь совершенный замысел «мог быть придуман во всех подробностях и должным образом выполнен ни кем иным, как Божественным Изобретателем, дабы дать повод для размышлений щедрой Богине Природы». Здесь еще раз возникает образ высшего божественного начала, стоящего над персонифицированными римскими богами.

Помимо высшей красоты, на Кифере господствует и символическая тема. Весь остров наполнен сложными сплетениями каменной и зеленой архитектуры: таковы фигуры из стриженного самшита, узловые

Ил. 14. Поклонение статуе Венеры, кормящей Амура. Любовное борецне. С. 28

Внутри святилища Полифил видит статуи Вакха и Цереры, а между ними стоит сама Венера, тело которой кажется герою прозрачным. Здесь Полифил вновь вспоминает о своих рваных и грязных одеждах, и, успокаивая его, богиня произносит слова, которые «усыпили бы и дракона, стража Колхидских роковых сокровищ, могли бы вернуть прежнюю красоту Аглавре, дочери Кекропа, возратить Дафниса Идейского в человеческий облик, к его любимым стадам, и освободить Кадма с Гермиейой от шипящих их голосов и чешуйчатых тел» – то есть избавили бы любого от змеиной и драконьей природы. Венера обручает пару кольцами с аметистом (видимо, камень в символикe Колонны связан с образом моря), а Амур пускает в грудь Полифилу свою стрелу. Тот переживает страдание и преображение, богиня охлаждает рану морской водой, и герой, достигший высшего посвящения, получает белоснежные одежды взамен ветхих и испачканных в диком лесу. Венера дает им советы любви, «о которых здесь нельзя рассказать», и затем является грозный Марс, сопровождаемый яростным волком. Момент высшей гармонии прошел, и все удаляются, не смея мешать любви богов. Примечательно, что все эти сокровенные события на гравюрах не изображены и могут быть воссозданы только воображением читателя. {23}

17) У гробницы Адониса: скульптурный образ погибшей любви, переход к рассказу о земной жизни героев

Высшая радость понемногу уступает место образам пережитого страха («свирип волк богов») и любовных скорбей. Полифил и Полия, ныне супруги, идут вместе с нимфами в укромное место с источником и удивительной скульптурной композицией. Это Венера, кормящая младенца Амура подобно Богоматери. Вырезаны они, как и орел с Ганимедом на Храме Солнца, из трехслойного сардоникса, причем тело богини оставлено белым, а тонкий слой красного камня придает ей и Амуру румянец. Борьба чистого и страстного начал в этой скульптуре не случайна: постаментом служит гробница Адониса с изображенной историей его преследования Марсом. Надпись обвиняет сына в горестях матери: «Не молоко ты сосешь, о жестокий младенец, но горькие слезы, // Матери, их возвращая в любви к милому ей Адонису». (Ил. 14.) Нимфы рассказывают, что каждый год перед майскими календами Венера справляет здесь кровавые поминки по возлюбленному, подобные менее торжественным ритуалам у Полиандрия. У богов тоже обнаруживаются переживания и печали, а остров с кольцевым каналом и святилищем в центральном круге напоминает о саде-лабиринте и саде с обелиском Троицы (оба они круглой формы), которые Полифил видел у дворца Элевтерилады. Увидев, что Полифил и Полия обнимаются, оставив прежние опасения, нимфы искусно их отвлекают, попросив героиню рассказать о прежней жизни. {24} На этом «небесная» часть повествования сменяется земной историей, насыщенной человеческими страстями.

18) Вторая книга романа: история земной любви, случившаяся в Тревизо

Вторая книга посвящена любовным отношениям героев в реальном городе Тревизо, о почтенной истории которого рассказывает автор. Франческо Колонна именно здесь встретил и утратил свою возлюбленную и провел много лет в доминиканском монастыре Сан-Николо, поэтому вторая книга ближе к реальности и напоминает по духу повести Боккаччо. Полия, родословная которой восходит к римской весталке и заканчивается в семействе Лелио (ключ к поиску прототипа Полии – Лукреции Лелио) стала предметом любви Полифила. {25} Однако по причине эпидемии чумы (действительно случившейся в городе Тревизо в 1460-е годы) она уходит в Храм Дианы (в реальной жизни – монастырь Санта-Катарина) и дает обет безбрачия. Полифил преследует ее там, безумно страдает от ее холодности и в конце концов умирает. Полия настолько ожесточена сердцем, что оттаскивает безжизненное тело в укромный угол и уходит домой. {26}

Однако ночью она видит ужасный сон, напоминающий новеллу Декамерона о Настаджио дельи Онести и охоте на жестокую возлюблен-

ную⁶. Из лесной чащи Полия наблюдает Амура, который едет на колеснице, запряженной двумя девами. Это наказание женщин, жестоких к своим возлюбленным. (Ил. 15.) Разъярившись, Амур рубит их на куски и отдает диким зверям. {27} Героиня идет к жрице Храма Венеры, которая советует ей порвать с прежними обетами и не гневить Юпитера. {28} Тогда Полия прибегает в Храм Дианы, целует и обнимает тело Полифила, и волей Венеры он оживает. (Ил. 16.) Прислужницы храма выгоняют обоих прочь. {29} Придя в Храм Венеры, герои дают новые обеты, {30} а Полия поражена любовью к Полифилу. Полифил рассказывает о том, что было с ним за пределами земного существования. {31} Влюбленные вновь разлучаются и шлют друг другу письма, {32, 33} потом герой встречает Полию вновь молящейся в Храме Дианы. {34}

19) Обращение Полифила с жалобой к Венере, духовное соединение с земной возлюбленной

Удрученный печалью, он, в загробном своем бытии, является на небеса к Венере и Амуру. (Ил. 17.) Бог ранит стрелой изображение Полии, а герой возвращается к жизни. {35} Влюбленные, наконец, примиряются в Храме Венеры. {36}

20) Окончание истории земных страстей, последний поцелуй героев и пробуждение Полифила

На этом кончается длинный рассказ Полии, который обращен к нимфам, собравшимся у святилища Венеры. Они оставляют героев одних, и те от всего сердца обнимаются. И тогда, в слезах и со словами прощания, Полия растворяется в воздухе, подобно благовонному дыму. {37} Полифил, проснувшись в своей комнате, слышит печальный голоса птиц и прощается с Полией, теперь уже навсегда. {38} Роман завершает эпитафия, в которой возлюбленная сравнивается с цветком: «Что ты не тронул, Феб, своим огнем, в тени погибло».

Герой вместе с автором возвращается из своих возвышенных грез в мир, на который в романе дано множество намеков: неумолимый ход жизни и сумрак старости, ветхий скит и фигура монашеской Бедности, скорбь и покаяние после великих и не получивших ответа страстей. Таково внутреннее содержание единственной книги писателя-гуманиста, который ушел в монастырь, скорее всего, после пережитой любовной драмы, и решил выпустить в свет свой труд только в 1499 году, когда ему исполнилось шестьдесят пять лет, а его Полия уже покинула этот мир.

4. Путь Полифила в европейской культуре

Судьба книги в Италии была не очень долгой: переиздание 1545 года оказалось последним, и, хотя многие садовые сооружения эпохи маньеризма имеют сходство с образами «Любовного борения», ни одного прямого заимствования историкам доказать не удалось. Тем временем

*Ил. 15. Сон Поли: Амур наказывает жестоких дев.
Любовное борецне. С. В4*

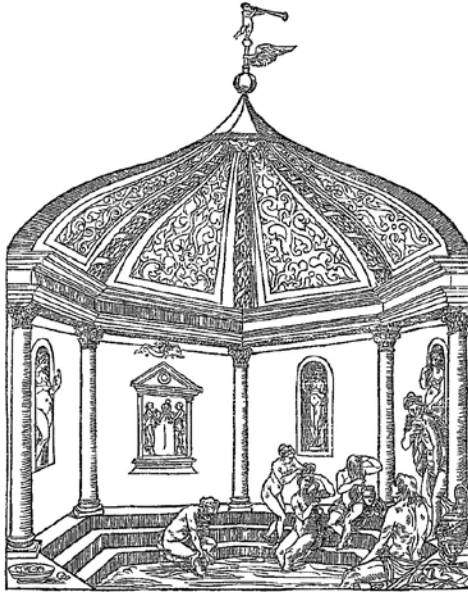

*Ил. 16. Полифила и Полио
после воссоединения из-
гоняют из Храма Дианы.
Любовное борецне. С. С6'*

*Ил. 17. Союз Полифила и
Полио на небесах в при-
сутствии Венеры и Амура.
Любовное борецне. С. Е8*

Ил. 18. Купальня нимф. Гипнэротомехия, или Рассуждение о сне Полифила. С. 48

растущий интерес интеллектуалов вызвал к жизни неполное английское (1592) и полное французское издание (1546), в котором были добавлены новые иллюстрации и схемы. (Ил. 18.) Франсуа Бероальда Вервиль (1556–1626), писатель эпохи французского маньеризма, в 1600 году выпустил вольный перевод романа, озаглавленный «Обзрение великолепных изобретений, снимающее покров любовных обманов, кои являет Сон Полифила». В собственных романах де Вервиль развивает тему символической архитектуры, придумывая залы и кабинеты, сходные с дворцом Элевтерилады⁷.

Многие образы и идеи романа опередили свое время. Именно поэтому влияние книги на литераторов и художников постепенно росло. В XVII веке Эташ Лесюэр создает серию из трех картин на сюжеты «Сна Полифила», включая и неприятное для героя приключение в купальне⁸. (Ил. 19, ср. ил. 4 и 18.) Жан Лафонтен пишет куртуазный путеводитель по Во-ле-Виконту, называя его, в подражание роману, «Сон в Во». Ажурная архитектура Колоннады в Версале, по-видимому, возникла под впечатлением от концентрических стен и пергола острова Киферы⁹. В XVIII веке путешествие на остров Цитеру стало привычным сюжетом французской живописи и литературы, воплотившись в картинах Ватто, романе Поля Тальмана и его русской адаптации – «Езде на остров Любви» В.К. Тредиаковского.

Ярким эпизодом в истории «Любовного борения» стала встреча с книгой архитектора предромантического направления Клода-Никола Леду. По свидетельству его друга и собрата по профессии Франсуа-Жозефа Беланже, Леду «был очарован чтением старинного труда, известного как “Сновидения Полифила”. <...> Леду уверился, что нашел подходящий образец для своей работы, и, не внимая советам нескольких друзей литераторов, отложил карандаши и взялся за перо, убежденный (как он пишет в первом томе своего великого сочинения, в стиле, который казался ему подходящим), что каждое государство должно иметь свой стиль»¹⁰. И действительно, многие чертежи трактата «Архитектура, рассмотренная в отношении у искусству, нравам и законодательству» (1804) варьируют формы из романа Франческо Колонны, прежде всего различные части Храма Солнца.

В 1958 году миланский архитектор Томмазо Буцци начал строить в уединенном месте недалеко от Ассизи виллу, которую сам называл «архитектурной антологией». Вилла Скарцуола представляет собой грандиозный ансамбль с дворцом, античным театром, открытой галерей и павильонами. (Ил. 20.) Отправной точкой в этой строительной фантазии послужило «Любовное борение во сне Полифила». Однако путь по вилле не прямой, он предлагает посетителю сначала пройти через сад с тремя ажурными воротами, затем рассмотреть архитектуру и «иероглифы» театра, побывать в кабинетах и в открытом круглом дворике, напоминающем купальню Венеры. К символам и формам, взятым из романа, прибавляются копии исторических построек, относящиеся к жанру «говорящей архитектуры», – треугольный дом Томаса Тришема в английском Раштоне, дом-колонна из французского имения Дезер-де-Ретц.

Ил. 19. Эшташ Лесюэр. Полифил в купальне нимф. Около 1636–1644. Дижон, музей Маньин

Диалог книги с современностью продолжается в интерпретациях и визуальных реконструкциях. Одной из последних и удачных является работа американско-итальянского архитектора Эстебана Алехандро Круса¹¹. Воссозданию смысла романа, его материальной среды и исторического контекста были посвящены специальный выпуск влиятельного журнала «Слово и образ» (1998), книга о садах острова Кифера¹², полемические монографии Лианы Лефевр и Стефано Борси¹³. Только что вышло отечественное исследование о женском образе в «Любовном борении»¹⁴.

В 1937 году Энтони Блант писал о разрыве романа с жизнью, который произошел в XIX столетии и превратил книгу в антикварную достопримечательность¹⁵. Жизнь опровергла это утверждение. Завершение проекта по созданию «русского Полифила» поможет нашей культуре пережить тот творческий импульс, который в течение пяти-сот лет исходит от романа Франческо Колонны – живого сгустка идей и образов Возрождения.

Работа выполнена в рамках исследовательского проекта по гранту Российского гуманитарного научного фонда № 13-04-00449.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Топографический анализ путешествия Полифила был сделан в диссертации Жюльи Полици. См.: Polizzi G. Le Poliphile ou l’Idée du jardin: pour une analyse littéraire de l’esthétique colonnienne // Word & Image. Vol. 14. № 1-2. January-June 1998. P. 61–81. Далее в фигурных скобках ({}) указаны условные номера глав романа, данные в первой научной публикации Поци и Чьяппони.
- 2 См.: Lazzaro C. Italian Renaissance Garden. New Haven-London, 1990. P. 9–11.
- 3 Здесь возможны аналогии с мистической фигурой Папессы из карт таро, визуальная культура которых переживала свой расцвет именно в XV веке.
- 4 Выражение взято из текста Альберти, посвященного каналам и дренажу: «Ведь поэты называют землю Цербером, философы – волком богов, потому что она все пожирает и все поглощает» (Альберти Л.-Б. Десять книг о зодчестве. В 2-х т. / Пер. В.П. Зубова. Т. 1. М., 1935. С. 130), и здесь является символом телесной смерти.
- 5 Примечательно совпадение этого символа с православным иконным надписанием, значение которого разъяснял в России бывший сотрудник Альдо Мануцио и послушник Джироламо Савонаролы, афонский монах Максим Грек (Михаил Триволис): «О буквах ΩΝ, которые иконописцы пишут на венце Спасителя, да будет тебе известно, что слово это эллинское, то есть, греческое и значит на русском языке: “СЫЙ”, а это слово “сый” значит: “который емь”, или “который существует”» (Максим Грек. О надписи на венце Спасителя и об имени

Ил. 20. Вилла Скарцуола (регион Ассизи). Архитектор Т. Буцци. 1960–80-е гг. Общий вид Театра. Фото Б. Соколова. Сентябрь 2013 г.

- Пресвятая Богородицы // Сочинения преп. Максима Грека. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1911. Ч. 3. С. 76).
- 6 Декамерон, V, 8. Новелла стала сюжетом серии из четырех картин Боттичелли (Мадрид, Прадо и Палаццо Пуччи, Флоренция).
 - 7 См.: Чекалов К.А. Кабинет в саду в интерпретации Ф. Бероальда де Вервиля // Искусствознание. 2001. № 1. С. 234–243.
 - 8 Полифил в купальне нимф. Дижон, Музей Маньин.
 - 9 Blunt A. The Hypnerotomachia Poliphili in 17th Century France // Journal of the Warburg Institute, 1 (1937–1938). P. 120–131.
 - 10 Turner Paul V. Claude-Nicolas Ledoux and the Hypnerotomachia Poliphili // Word & Image. Vol. 14. № 1-2. January-June 1998. P. 203–204.
 - 11 Cruz E.A. Hypnerotomachia Poliphili. Re-Discovering Antiquity Through the Dreams of Poliphilus. Victoria, 2006.
 - 12 Fogliati S., Dutto D. Il Giardino di Poliphilo. Milano, 2002.
 - 13 Lefavre L. Leon Battista Alberti's Hypnerotomachia Poliphili: Re-Cognizing the Architectural Body in the Early Italian Renaissance. Cambridge (Mass.), 2005; Borsi S. Polifilo architetto. Roma, 1995.
 - 14 Патронникова Ю.С. О природе женского образа в романе Ф. Колонны «Гипнеротомахия Полифила» (1499). Опыт культурно-философского анализа // Искусствознание. 2013. № 3–4. С. 236–260.
 - 15 Blunt A. The Hypnerotomachia Poliphili in 17th Century France. P. 137.

Франческо Колонна

Любовное борение во сне Полифила

[Глава 8. С. е4 – f4]

ПОЛИФИЛ, БУДУЧИ ПРИНЯТ И УСПОКОЕН ПЯТЬЮ НИМФАМИ, ИДЕТ С НИМИ К КУПАЛЬНЯМ, ГДЕ ПРОИСХОДИТ МНОГО СМЕШНОГО ПО ПРИЧИНЕ НЕОБЫЧНОСТИ ФОНТАНА, А ТАКЖЕ ВО ВРЕМЯ УМАЩЕНИЯ. ВЕДУТ ЕГО ЗАТЕМ К ЦАРИЦЕ ЭЛЕВТЕРИЛИДЕ, И ВИДИТ ОН ПО ПУТИ И ВО ДВОРЦЕ ВЕЩИ ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ, А ТАКЖЕ ДИВНОЙ РАБОТЫ ФОНТАН.

Наконец был я любезными уверениями милосердных нимф убежден и уговорами дев успокоен, и поникшие духи мои не в малой мере воспряли, и, полагая все предсказания этих нимф благими и приятными, я сразу же решил им довериться, явивши себя в качестве друга и преданного слуги. И поскольку в изящных руках у них были алабастры с притираниями, и вазочки со средствами для омовения, все из золота и драгоценных камней, и сияющие зеркала, и золотые гребни, также и белоснежные покровы из складчатого шелка, и туники для купания, предложил я свою помощь, но отказались они, сказав, что явились в это место потому, что идут в купальню. И, не медля, прибавили: Желали бы мы, чтобы ты с нами пошел. Вон туда, где струится фонтан, который, возможно, ты видел. С великим почтением я отвечал: О прекраснейшие нимфы, если владел бы я даже и тысячей разных наречий, все же не смог бы выразить неизмеримой своей признательности и благодарности за столь благосклонное ваше гостеприимство, ибо в добрый час вернули вы меня к жизни. И посему отказ от столь изысканного и нимф достойного приглашения мог бы представиться крайнею грубостью. Также и потому, что я предпочел бы здесь быть рабом, нежели в месте ином господином. Ибо, как я могу заключить, являетесь вы сородичами и друзьями всякого добра и истинного блага. Узнайте же, что видел я чудесный фонтан и внимательно его исследовал и должен признаться и подтвердить, что более великолепного произведения не встречали очи мои. И увлеченная моя душа побудила меня тщательно осмотреть его со всех сторон и ненасытимо пить, благополучно утолив тяжкую и длительную мою жажду, но на иное очищение я не решился.

Мне отвечала одна из красавиц, нежно сказавши: Дай же мне руку. Ныне спасен ты и принят во благо. Видишь теперь, что пятеро нас в этом содружестве, и меня зовут Афрея. Имя же той, что несет ларцы и пелены

белейшие, Осфрессия. Та, что хранит сверкающее зеркало, нашу отраду, зовется Орассией. Той, что несет звучную лиру, имя Ахоя. Ту же, последнюю, что вазу сию с драгоценною жидкостью держит, зовут Геуссией. И явились мы здесь, у этой теплой купальни, отдыха ради и удовольствий. Куда, долго не размышляя, ты (раз благая судьба сюда тебя привела), можешь весело пойти вместе с нами. После чего в радости вместе вернемся мы в великий дворец славной царицы нашей.

И она со всем своим милосердием, добротой и высшей щедростью может тебе постичь страстные твои любви, пылкие желания и высокие замыслы, так что овладей собой и будь покоен. Идем же!

Повлекли они меня туда с движениями чувственными, с жестами девическими, с манерами приятными, с грацией детскою, со взглядами игривыми, со сладкими словечками отрадной лести. Всеми делами этими был бы я вовсе утешен, когда бы моя златовласая Полия, которой мне не хватало для полного счастья, стала меж ними шестой и сделала число совершенным. Кроме того, огорчился я, находя свое платье не подходящим для столь изысканного общества, но успокоил себя достаточно, чтобы начать с ними вместе учтивый танец. И сладко смеялись они, и я с ними, и так наконец мы прибыли к месту.

В коем дивился я чудному зданию купальни о восьми углах. И на каждом внешнем углу были сдвоенные пилястры, выровненные в той части, что возвышалась над окружающими их нижними ареобатами. Далее уменьшались они ровно на треть той толщины, что была у основания пилястры. Их капители поддерживали прямой архитрав с фризом над ним и далее карниз, идущий кругом без разрывов. И фриз сей украшало великолепное ваяние, где были нагие мальчики прекрасной работы, помещенные на равных расстояниях. С руками, держащими толстые сетчатые гирлянды из пышных ветвей, сплетенных вместе и перевитых лентами. Над коим сказанным карнизом возвышался (с изящным сводом своим) восьмигранный купол, сообразный нижней части. Каковой между углами был с чудесным мастерством пронизан отверстиями и покрыт тысячею прекрасно сделанных и укрепленных пластинок из чистого хрусталя, который издалека мне показался свинцом.

Выше было укреплено наверхие, продолжающее восьмигранную форму купола и возвышающееся над ним, и прямо на нем шар, из верха коего исходил крепчайший стержень, в полость же его был вставлен иной, подвижный и поворотный стержень, свободно движущийся, и к нему прикреплено было крыло, так что при порыве ветра полый стержень вращался, и наверху был шар высотой в одну треть нижнего. На коем было нагое дитя, правой пятой опирающееся на ось, а другую ногу поднявшее. Затылок же его был сделан полым до самого рта, в форме воронки, и к высверленному рту прикреплена была труба, которую оно держало одною рукой ближе к

креплению, другую же протянуло к окончанию трубы, выровненной перпендикулярно крылу. Все части были прекрасно отлиты из тонкой бронзы и покрыты блистающим золотом. На этом крыле и шар, и дитя, у которого вид и лицо были, как у трубящего, а затылок полым, легко поворачивались к налетающему ветру, и когда тот попадал в трубу, она звучала. И потому одновременно с сотрясением от ветра египетских стручков я услышал ветер, звучащий в трубе. И, размыслив об этих вещах, посмеялся тому, как человек, очутившийся один в незнакомом месте и испуганный, столь легко страшится всякого малого шума.

Теперь я увидел со стороны, противоположной той, где была прекраснейшая нимфа у источника, вход с великолепным порталом. И решил я, что все украшения здесь были того же превосходного скульптора, что изваял спящую нимфу, на фризе же его увидел такую надпись буквами греческими: ΑΣΑΜΙΝΘΟΣ, то есть КУПЕЛЬ. Не уступала эта ванна по обширности даже и Тациевой.

Внутри ее окружали четыре ряда каменных скамей, соединенных и непрерывных, все из малых сегментов яшмы и халцедона всевозможных цветов. Две ступени покрывала теплая вода, подступающая к границе третьей. В каждом углу стояли изящные и округлые малые колонны различной окраски, с вьющимися жилами яшмы, настолько красивыми, насколько могла их создать искусная природа. С соразмерными базами и с самыми лучшими капителями, поддерживающими архитрав, над коим покоился зофор с нагими младенцами, играющими в воде, и с малыми морскими чудовищами, в состязаниях и детской борьбе отлично являющими резвость, сообразную их возрасту, живые движения и игры, и чудесно венчал его по кругу красивейший карниз. Выше ордера и проекции малых колонн, прямо над каждой из них, тянулись к вершине купола слегка расширяющиеся гирлянды из дубовых ветвей, наложенных одна на другую, словно листья в книге, плотные, кудрявые и извилистые, из самой зеленой яшмы и связанные золочеными лентами, и они шли вверх по изгибу свода, соединяясь у круга, в котором помещалась львиная глава с косматою гривой. Сжимала она в пасти кольцо, к коему прикреплялись цепи из орихалка, свисающие вниз и искусно соединенные. Каковые держали своей сетью изящнейшую вазу с широким горлом и низким туловом, из того же сияющего материала. Была она в двух локтях от воды. Ту часть внутреннего свода, что не покрывал хрусталь, сплошь украшали пластины армянской лазури, чудесно скрепленные россыпью выпуклых золоченых гвоздей.

Неподалеку было в земле отверстие, непрестанно извергающее огненную материю, которой набрали они и наполнили ей округлость вазы, добавив неких смол и древесины душистой, и сделали не поддающееся описанию воскурение, ароматом подобное самым лучшим пастилкам. Затем закрыли они двойные двери, пронизанные металлом и заполненные

хрусталем, который давал приятнейший и разнообразно окрашенный свет. Эти самые проемы в открытой решетке хорошо освещали благовонную купальню, но и не оставляли щели, сквозь которую аромат и тепло могли бы выйти наружу.

Ровное пространство между колоннами являло собою чернейший камень неподвластной металлу твердости и сияющий. Обрамлено оно было со всех сторон прямоугольной полосой коралловой яшмы и украшено двойными желобками, а вернее сказать, сочленениями. Посредине каждого из проемов между колоннами сидела изящная нагая нимфа, каждая со своей позой и обликом, из камня млечного, блестящего, словно слоновая кость. Прочно покоились они на сообразных малых алтарях. Каковые украшены были идущими вокруг профилями и стояли вплотную к базам колонн. О, сколько дивился я изумительному мастерству сказанных изображений, и много раз обращал взгляд свой к настоящим и подлинным и после вновь к изваянным.

И увидел я под водою мощный круг с различными эмблемами, выполненными мозаикой из твердого камня чудесного рисунка и различных цветов. Поскольку прозрачайшая вода была не сернистой, но благовонной и умеренно теплой, без применения гипокауста или печи, и чистейшей сверх всякого вероятия, не было и препятствия между предметами и зрением. Посему различные рыбки на передней части скамей и внизу, искуснейше сделанные из чешуек мозаики ради подражания природе, казались живыми и плывущими. Были там триглы, сиречь султанки, ласкам подобные миноги и многие иные, изображенные не в подражание природе, но ради красоты живописной. Чернейшие камни этих проемов были вырезаны и усердно украшены чудеснейшим сочетанием узлов, сиречь связей, из древней листвы и цветов и сияющими раковинами Киферейскими, столь приятными для глаза, что и не выразить словами. Над вратами из млечного камня я увидел дельфина, изогнувшегося над спокойными волнами, и юношу, на нем сидящего и на лире играющего. Напротив него, над обманном фонтаном, был подобный плывущий дельфин и на нем Посейдон с острым своим трезубцем. Эти малые сцены выступали из рам того же камня и размещались на плоскости наичернейшей. Каковые заслужили похвалу и достойному архитектору, и не в меньшей мере скульптору. И притом поражало меня изысканное величие прекрасных и милых дев. Так что не мог соразмерить умом мой прежний испуг и сие нынешнее мое несказанное и случаю обязанное утешение, но без сомнений испытывал высшее блаженство и счастье. И смогли мы в величайшей радости войти в такие благовония, коих не способна породить и Аравия. Вместо роскошной комнаты для раздевания на каменных скамьях распростерли они шелковые свои одежды, красивейшим образом собрали светлые пряди свои в сетки, тканые золотом, и с непревзойденным достоинством, без всякого

стеснения позволили видеть прекрасные и изящные тела свои полностью обнаженными и во всех подробностях, храня при этом добродетель, плоть воистину нежно розовую и с примесью крепкого снега. Увы, ощутил я волнение сердца, которое явным и сладострастным восторгом всего меня охватило. В коем соделался я счастливым при одной только мысли о подобном наслажденье. Ибо никак не мог воспротивиться страстным пламенам, преступно исходящим из распалившегося моего сердца и меня отягчающим. И в качестве некоего средства своего ради спасения не дерзал я смотреть на столь подстрекающую красоту, собранную в сих малых телах. И, это заметив, смеялись они над наивным моим поведением, проявляя девичью веселость. Я же стоял там с душою открытой и довольной, дабы им оказать приятность и любезность. И, находясь посреди такого огня, подкреплял я себя немалым усердием. Но твердо держался скромности и терпения, полагая себя недостойным столь прекрасных спутниц. И вновь приглашенный, со смущением и извинениями, все же вошел я в купальню. Подобно вороне средь белых голубок, стоял я по этим причинам поодаль и в краске, беглые взгляды кидая на прекрасные сии и обольщающие предметы.

И тут Осфрессия с веселым красноречием ко мне обратилась: скажи же мне, юноша, как твое имя? Я почтительно ей отвечал: Полифил, госпожа моя. Весьма хорошо бы то было, она мне сказала, если дела твои имени были подобны. И сразу прибавила: а как же зовут милую твою возлюбленную? Я послушно ответил: Полия. И сказала она: о, я решила, что имя твое означает много любовей, но вижу теперь, что понимать его нужно как Друг Полии. И молвила быстро: что бы ты сделал, коли сейчас ее встретил? То, госпожа, я ответил, что достойно бы было скромности ее и благородного вашего присутствия. Скажи мне, Полифил, велика ли любовь твоя? Превыше жизни моей, увы, я со вздохом сказал. Несравненную, со всеми наслаждениями и какими ни есть драгоценными сокровищами в мире, несу я ее в горящем и испепеленном, благоугодно ею пронзенном сердце. И она: где же предмет (столь отрадней) ты оставил? Не знаю, как и не знаю, где сам нахожусь. Сказала с улыбкой она: если найдут ее для тебя, что за это ты дашь? Но будь со спокойной душой и сотвори себе радость, ибо найдешь ты прелестную свою Полию. И, говоря эти и подобные ласковые словечки, нежные и веселые девы с вящим удовольствием омылись, и я с ними. В проеме напротив внешнего изумительного фонтана со спящей нимфой была внутри купальни другая скульптура из наилучшего металла и искусно выполненная, сияющая золотым блеском. Каковая прикреплена была к резному мраморному квадрату с малым фронтоном и окружена двумя колоннами половинными или, иначе, полукруглыми, с обеих сторон, с малыми балкой, зофором и карнизом, вырезанными в одном куске камня. Эта велико-

лепная композиция явлена была, как и все сооружение, с крайним искусством и чудеснейшей в мире изысканностью. В вырезанной части, то есть во впадине сказанного камня, стояли две совершенные нимфы, размером немного меньше, чем в жизни, с изящно открытыми бедрами, которые являлись в разрезах одежды, слегка развевающейся от их движений. И с руками также обнаженными, закрытыми лишь от локтей до плеч. И каковые руками поддерживали мальчика в поднятой короткой одежде. Каждую из ножек этого ребенка сжимала рука одной из нимф, и все три лика смеялись, другой же рукой каждая из нимф держала край одежды мальчика, обнажая его до пояса, сиречь пупка. А мальчик обеими руками держал свой маленький уд. Из коего в кипящую воду мочился (делая теплой ее) водою самой холодной. В этом приятнейшем и превосходном месте полностью растворился я, благодаря таковым обстоятельствам, в отраде и удовольствии, и всепоглощающее наслаждение мое нарушаемо было лишь чувством, что могу я оказаться здесь презренным и что среди такой белизны и росы, сгустившейся в иней, буду подобен египтянину либо чернокожему.

Та из них, что назвалась Ахоей, сказала мне приветливо и с улыбкой: О Полифил наш, возьми сию хрустальную вазу и принеси мне немного той свежей воды. Без малейшего промедления и без всякой иной мысли, кроме как сделать любезность, не теряя ни мгновения в оказании услуги, но радуясь возможности быть приятным, я поспешил туда. Едва лишь ступил я одною ногой на ступень, чтобы набрать падающей воды, как вознес свой член маленький Приап, и разгоряченное лицо полил мне водой ледяной, так что я сразу упал на колени. По каковой причине разнесся под куполом столь великий женский смех, что я также (пришедши в себя) стал умирать от смеха.

Затем постиг я превосходное ухищрение искусного мастера, ибо нижняя ступень была сделана подвижной, и когда на нее ступали, то воздвигали и уд у мальчика. После тщательного осмотра и исследования сего устройства и удивительного замысла я нашел его весьма отрадным. И к тому же на малом зофоре была такая изящная надпись начертания аттического: **ΓΕΛΟΙΑΣΤΟΣ, СМЕХОРОДНЫЙ.**

Искупавшись и омывшись с великой радостью и смехом, все, с тысячько нежных и любовных словечек, девичьими шутками и лестью, покинули согретую воду, выскочив на влажные ступени со многими прыжками и весельем, и умастились пахучими и благовонными мазями, и натерлись ароматической влагой, предложив сосуд и мне, так что и я умастился. И нашел я весьма благим сие нежное растирание и здоровью полезное купание. Ибо, помимо чудесной приятности, были они особенно хороши для моих усталых членов после недавнего и столь опасного бегства. Когда все оделись и нимфы провели довольно времени за украшением, причесыванием и убором, они с

великой радостью, как хозяйки, открыли вазы с изысканными конфетами, которые с удовольствием отведали вместе со мною, а затем последовал драгоценный напиток. Когда же они достаточно восстановили силы свои и обратились к зеркалам для тщательной проверки украшений своей божественной внешности и сияющего чела, осененного шариками, что висели на золотистых повязках, и уложили вокруг головы свои влажные волосы, то наконец с радостью ко мне обратились:

Полифил, ныне идем мы с весельем душевным к славной и возвышенной царице нашей Элевтериlide, и там найдешь ты великое утешение. И прибавили со смехом: Эй, свежая вода и впрямь ударила тебе в лицо! И возобновили свой чарующий смех без меры с шутками на мой счет, подавая знаки друг другу веселым миганьем очей и взглядами козими, сиречь косыми. И совершая свой изящный выход вместе со мною, находящимся посреди веселых дев, красиво начали петь, в ладе фригийском и ритмично, о забавной метаморфозе. Речь там шла о влюбленном, который желал с помощью мази обернуться птичкой, но, ошибившись сосудом, обратился в обыкновенного осла. Заключение было такое, что поверивший в некое действие мази может испытать на себе вовсе иное. И посему заподозрил, что я был предметом сей песни, ибо они со смехом обращали ко мне свои лица, но решил пока не думать об этом.

С основанием я полагал, что сие умощение должно было дать отраду усталым моим членам. Как вдруг ощутил я такое вторжение любовного зуда и сладострастного порыва, что весь исполнился смущением и терзаниями. Они же, лукавые, смеялись без меры, зная, что случилось со мною. Усилилось оно настолько, что я чувствовал великое возбуждение, растущее с каждой минутой. Уж и не знаю, какая узда или преграда удержала меня от того, чтобы, подобно хищному и алчущему орлу, стремглав и свирепо падающему на стаю куропаatok, насилия не совершить. Ибо точно таким было сильнейшее мое стремление к овладению. И этот позыв, непрерывно растущий, непристойный и похотливый, мучил меня. И тем в большей я мере, венериной страсти покорный, пылал, что здесь были столь подходящие и для насилья готовые жертвы, и возрастала она подобно губельной чуме и порождала желания, прежде неведомые.

И тогда одна из сих воспламеняющих нимф, именем Афея, сказала мне шутливо: Полифил, что с тобой? Только что весело шутил, а теперь вижу тебя изменившимся и преображенным. Сказал я ей: Прости мне, что изогнулся я словно ивовая подвязка, я (смиловившись) погибаю от любовного пыла. Отчего все дружно залились бесконечным смехом. Сказали мне они: Ого, а когда бы твоя превосходная Полия здесь оказалась, что с нею бы сделал ты, а? Увы мне, сказал я. Ради того божества, которому смиренно вы служите, молю вас, не добавляйте огня и не бросайте факелов и благовоний в мой несказанный пожар, не мажьте

смолою горящее сердце, не причиняйте мне поясничной той боли, прошу. Ибо не в малой я мере теряюсь и сильно страдаю. На таковой мой плачевный и скорбный ответ их кораллу подобные губки исторгли лишь восклицания сильнейшего смеха, настолько возросшего, что ни они, ни я уже идти не могли от приступов хохота. И упали они, и катались по благовонным цветам и травую поросшей земле от чрезмерного смеха, столь их душившего, что за благо сочли они распустить тугие свои пояса, после чего успокоились, отдыхая и лежа едва живые под тенистыми густыми деревьями и пребывая под темным покровом ветвей. Каковым я теперь с дружеским доверием сказал: О женщины, воспламеняющие и болезнь причиняющие, что делать мне с вами? Вот законный мой случай напасть и наброситься, и учинить вам насилие, весьма для меня извинительное. И сделал движение к ним, словно желая схватить, не без отваги помыслив сделать то, на что никак не решался, но с новым приступом смеха, призывая друг друга на помощь, бросивши здесь и там свои золотые сандалии и покрывала, бежали, и их ленты развевались на свежем ветру. И, убегая, оставили сосуды среди цветов. Бежал я за ними до тех пор, покуда они, а с ними и я, воистину не устали, ибо отринул я добродетель и весь погрузился в потоп сладострастья, теряя терпенье от непомерного натяжения тетивы.

После того как некое время длились сия отрадная игра и шутливая потеха и полностью утолила она мое столь сильное возбуждение, подобрали мы сандалии и прочие оставленные вещи. На зеленых и влажных берегах шумного ручья умерили они свой смех, ибо нежно мне сочувствовали, и на откосе, украшенном низким, гибким камышом, альпийским нардом, любящей влагу стенницей и множеством других обильных и крепких водных растений, одна из сих, зовущаяся благовоспитанной Геусией, склонившись, сорвала водную лилию, корень арона и амелу, росшие неподалеку друг от друга, и мне предложила, смеясь, выбрать то, что понравится мне, и во имя моего освобождения отведать. Я посему отверг водную лилию. Отказался и от драконника по причине едкого его вкуса и принял амелу. И ее, очищенную, согласился попробовать. По прошествии недолгого времени ушли венырины желания и нечестивые позывы, исчезла невоздержная похоть. И когда таким способом плотские соблазны были обузданы, успокоились веселые девицы, стали красноречивыми и любезными, так что незаметно прибыли мы в достославное место, наделенное высшей приятностью.

Была там устроенная с должным порядком и промежутками кипарисовая дорога, окруженная кипарисами, стройными и великолепными, с заостренными и изборожденными коническими кронами, с зеленью столь плотной, словно была она такой от природы, и размещенными правильным строем. А ровная почва была сплошь покрыта самым

зеленым барвинком, избыточным голубыми своими цветочками. Каковая украшенная дорога, должной ширины, вела прямо к зеленой заграде с проемом таким же, что и расстояние между кипарисами, длиною же в четыреstadia. И когда мы с радостью вошли в сию заграду, я обнаружил, что она равносоставленная, с тремя крыльями, окруженная подобием отвесной стены той же высоты, что и прекрасные кипарисы вдоль дороги. Каковая была вся из великолепных деревьев цитроновых, апельсиновых и лимонных, с чудеснейшими кронами, плотно сомкнутыми и искусно соединенными одна с другой, толщину же их я счел равной шести стопам. С арочными воротами посредине, из тех же деревьев, которые мастер сплотил с такою прилежностью и усердием, что лучше нельзя ни сказать, ни сделать. Наверху, в подобающих местах, были ряды окон. На поверхности же не было ни сучьев, ни неровностей, но лишь только цветущие ветви приятнейшей и чудесной зелени. Среди прекрасной, плотной и яркой листвы являлись украшавшие ее грозди белых цветов, испускающие сладчайший апельсиновый запах и предлагающие жадному взору чудеснейшее изобилие спелых и не созревших еще плодов. И видел я (не без изумления) в глубине ее ветви, соединенные с таким мастерством, что по ним можно было бы с удобством взобраться до самого верха обширного сооружения. При этом подпор у сплоченных ветвей, подобных ступеням, не было видно.

Когда мы вошли в эту зеленую и столь отрадную заграду, чрезвычайно приятную для глаз и достойную высшей похвалы ума, то увидели изящный двор, посредине коего стоял изумительный и обширный дворец, архитектуры симметрической, роскошной и крайне величественной. И который представлял собой четвертое крыло зеленой заграды, шириною шестидесяти шагов. Ибо такова была ширина открытого колонного двора.

В середине этого превосходного пространства увидел я замечательный фонтан с чистейшей водой, извергавшейся вверх до той же высоты, что была у зеленой заграды, через тончайшие трубочки, и оттуда падала она в большую раковину, которая была из наилучшего аметиста и диаметр коей составлял три шага, а толщина была три пяди и уменьшалась до одной пяди у края, с изумительным отливом, являвшая по кругу благороднейшую резьбу с изображением морских чудовищ. Каковой и вообразить не могли бы вырезанной по твердому камню даже и древние творцы. Работа, Дедала достойная и восхищение вызывающая. Не мог похвастаться такой и Павсаний, посвятивший бронзовый кратер в Гиппарах. Была она искусно утверждена на великолепном столбе из яшмы со множеством прожилок, красиво меж собой совоккупленных, со вставками из прозрачного халцедона цвета беспокойного моря и вырезанного с благороднейшим мастерством. Состоящего из двух ваз с расширенным горлом, одна поверх другой, и разделенных превосходным узлом. Каковая опора укреплена была на круглом основании из зелено-

ватого серпентина. И этот круг выступал на пять пядей над плоским постаментом и был окружен гранью из порфира, изумительно украшенного чудеснейшими профилями. Вокруг столба, держащего раковину, были четыре золотых гарпии с кровожадными когтистыми лапами, стоящие на плоскости из серпентина. Каковые задними частями своими обращены были к столбу, одна напротив другой, а распростертые их крылья возвышались до фиалкового ковша, сиречь раковины, и лица их были девичьи. Длинноволосые, с прядями, струящимися от шеи до плеч. Головы же их дна раковины не касались. Со змеиными вьющимися хвостами, что завершались древней листвою. Соединялись они с нижней из расширенных ваз на опоре не враждебно, но дружеской связью и сплетением. В срединной части ковша, прямо над нижележащей опорой, соразмерно возвышалась необычная ваза из аметиста, видом как перевернутая узкая чаша, высотой такой же, какою была в середине глубина вырезанной раковины от дна ее до отлива. Над которой стоял изысканный постамент, поддерживающий трех нагих Граций из наилучшего золота, высотой одинаковых и друг с другом соединенных. Из сосцов их груди били тонкие струи воды, подобные жгутам из пепельного серебра, полированного и испещренного, словно источила их белейшая пемза Тараконы. И каждая из них держала в правой руке преизобильный рог, поднимая его немного выше своей головы. И устья всех трех рогов красиво соединялись, образуя окружность и единое отверстие. С различными плодами и листьями, во множестве нависающими вокруг отверстий, сиречь устьев, соединенных рогов.

Посреди этих плодов и листьев, немного над ними возвышаясь, были устроены шесть малых сопел, изливающих воду сквозь тончайшие свои устья. Притом искуснейший мастер литья ради того, чтобы локти не мешали друг другу, заставил статуи оградить в знак стыдливости левой рукою ту часть, что должна быть сокрыта. Над краями открытой раковины (окружность которой была на шаг шире, чем у расположенного внизу змеевика) стояли на своих змеевидных ногах с поднятыми головами шесть чешуйчатых малых драконов из сияющего золота. Сделанные с таким изысканным мастерством, что вода, источаемая сосцами, падала прямо в поле и открытые верхи голов сказанных маленьких драконов с раскрытыми крыльями, разинутой пастью и одинаковыми у всех отверстиями, через которые они изливали, или, вернее сказать, изрыгали сию воду. Каковая потом ниспадала между серпентиновым кругом и порфириным краем, выступавшим над плоской поверхностью, сиречь мощением двора, как уже было сказано. Между этим змеевиком и окружностью порфириной был окружный канал в полтора шага шириной и два глубиною. Ширина же сего порфира по плоской поверхности была три стопы, и были там прекрасные профили у основания.

Прочие части малых драконов извивались по неглубокой впадине раковины, сходясь затем вместе, и оконечности их хвостов превращались в древнюю листву и, на должной высоте, чудеснейшей связью с постаментом подкрепляли, а вернее сказать поддерживали, три изваяния. Без нарушения той формы, какую имела внутренность драгоценной раковины. Та же благодаря зеленой гуще апельсиновой заграды, отсветам прозрачного своего материала и чистоте воды имела приятнейший цвет, словно радуга меж облаков внутри благородного, великолепного и изысканного сосуда. Кроме того, из выпуклой части раковины, на равном расстоянии между фигурами малых драконов, выступали головы львов с гривой, прекрасного литья, которые с превосходной точностью извергали и разбрызгивали через сопла свои воду, сочившуюся из шести трубочек, красиво размещенных на роге изобилия. Эта вода шла с небольшим напором, так что проливалась она между драконами в обширную и звонкую раковину, с чудеснейшим звоном сей открытой вазы по причине высокого падения сказанной воды. Воистину редчайшим произведением, с изобретательным умением и небывалым образом воздвигнутым, была та удивительная ваза. И четыре совершеннейших гарпии, и чрезвычайное благородство опоры постаментов, на котором видел я соединенными три фигуры из сверкающего золота, и мастерство и соразмерная отделка целого. Никогда не сумел бы я дать о нем даже краткого и ясного разъяснения, а тем более полного описания. То было дело превыше измышления человеческого. Но признаю я охотно (перед богами клянусь), что никогда в наш век не создавалось такой, ни подобной скульптуры, столь изящной и столь чудесного замысла. И с изумлением вновь размышлял я о том, сколь неподатливыми и твердыми были камни, поддерживающие большую раковину, из коих сделан был столб с двумя расширяющимися вазами, расположенными одна над другой. С такою легкостью и свободой, словно материалом здесь был нежный воск. И сколь нелегко было провести сии профили и вырезать волны и не без упорного применения твердейшего корунда создать столь превосходные желобки. Ибо сделаны они были при помощи особых зубил и резцов, закаленных способом, неведомым нашим нынешним мастерам, дабы сияли они с высшим совершенством.

Все пространство внутри стен (посреди великолепия коего находилось замечательное сооружение достославного и роскошного фонтана) было вымощено камнем, квадратами изысканного мрамора различных красок и форм. Между которых были вставлены красивейшие круги чудесной яшмы, немного меньшего размера, превосходно выровненные и разных цветов. А остающиеся углы должным образом заполнены были завитыми ветвями и лилиями. И затем дивился я широким полосам, сиречь лентам, расположенным между квадратами, с мозаикой из лучших цветных камней с тонким изображением. Зеленые листья с цветами пурпурными, синими,

красными и желтыми, столь хорошо сплоченные крепким раствором, что и ум мой не мог бы описать того изысканного расположения, сияющего великолепия, прилежной каменосечной работы, благородных форм. Краски его были богаче, чем те, что являет разноцветный хрусталь, когда отражаются в нем солнечные лучи. Ибо окружные цвета в чудесном согласии отражались в этом резном камне, неповинном ни в малейшей неровности, но, будь то мозаика, круги, треугольники или квадраты, сливались они в самую гладкую плоскость.

Всем этим были чувства мои ослеплены и поражены, в то время как я прилежно исследовал превосходное произведение, непривычное для моего взора. И охотно задержался бы еще, поскольку столь благородная работа требовала более пристального изучения и тщательного размышления, но не мог, ибо из вежливости должен был пребывать в говорливом своем обществе и следовать за ревностными своими провожатыми.

Самый вид этого роскошного, величественного и превосходного дворца и его восхитительного расположения, или, вернее сказать, размещения, соразмерности чудесной его композиции с первого взгляда наполнил меня небывалой радостью и изысканной благодарностью, а благородство постройки побуждало к дальнейшему над ней размышлению. По каковой причине я с основанием решил, что искуснейший архитектор превосходил всех прочих, ибо кто мог создать столь совершенными перекрытия с их архитравами и стропилами, так замыслить расположение покоев, проходов и дворов? Такие стены, выложенные драгоценными плитами и инкрустацией, такой чудесный порядок в украшениях, такие нетленные краски в портиках, такую правильность в колоннах и проемах, что не сравнилась бы с ними и дорога пренестинская с гордиановской постройкой. И этой совершенной колоннаде уступили бы все двести колонн последней, разделенные равным числом на нумидийские, клавдианские, синнадские и тистейские. Каким мраморам, какой скульптуре дивился я там, и подвигам Геракловым, чудесно вырезанным из камня лукулловского в высоком рельефе. Доспехи, статуи, надписи и трофеи, дивно изваянные. Какие пропилеи, или, вернее сказать, вестибул, сколь царственный портал! Вне сомнений, уступил бы им первенство и император Тит со своим камнем финикийским, зеркальным и безупречным, и были они таковы, что и самый одаренный разум устыдился бы, пытаясь о них рассказать, и к тому же великолепие окон и достославных врат, и благородного постамента являли собой славу архитектурного искусства. Не менее замечательным нашел я и чудесный потолок с прекрасными выемками, между которыми были волны в соединении с листвой, квадратные и круглые проемы, украшенные изысканными линиями из чистого золота и расписанные синим цветом с позолотой. За ними терялось вдали все остальное дивное сооружение.

Тем временем подошли мы к проему великолепного портала. Там, где надлежало быть проходу, простиралась отрадная и дивная завеса, вся вытканная и расшитая золотом по шелку, с двумя благороднейшими фигурами. Одна из коих окружена была всевозможными инструментами, готовыми к использованию. И другая, с поднятым девическим лицом, пристально смотрящая в небо. Красота которых не напрасно меня убеждала в том, что ни одна кисть (даже и знаменитого Апеллеса) не могла бы здесь ничего прибавить.

Ныне каждая из моих красноречивых, прелестных и милых спутниц благожелательно соединила свою правую руку с моей, желая меня представить и принять, говоря: Полифил, таков здесь порядок, который соблюдают в высокочтимом присутствии и высшем величии царицы нашей. Сия первая и главная завеса не позволяет войти никому, кроме приглашенных привратницей, простой и бдительной девой, именем Кинозия. И тут она, услышав о нашем приходе, немедленно явилась и почтительно открыла завесу. Так мы вошли. Было там закрытое пространство, отделенное другой завесой, благороднейшей по мастерству и замыслу, с переливами всяческих красок. На каковой были знаки, формы, растения и животные, необычно изображенные. В этом месте при нашем приходе немедленно явилась столь же заботливая женщина, звавшаяся Индаломена. И радушно подняла она свою завесу, дабы нас пропустить. И здесь было такое же пространство между второй и третьей завесой, весьма необыкновенной, чудесно вышитой размышлениями и изречениями, и бесчисленными веревками и сетями, и иными древними инструментами для похищения и захвата, изображенными наподобие мозаики. Без промедленья явилась в это тихое место третья гостеприимная матрона и приветливо нас встретила. Имя же ей было Мнемозина. Сия равным образом нас позвала и даровала свободный нам вход. И здесь я, наконец, вместе со спутницами, явился перед высокочтимым величеством царицы Элевтерилиды.

Перевод с итальянского Бориса Соколова.